

5. НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (1985-1990)

5.1. Новые условия развития социологии

С избранием генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева и объявлением демократической перестройки цензурные ограничения на научные публикации были ослаблены, а затем сняты. Гласность как провозвестник свободы слова дала толчок развитию науки, которая в то время хорошо финансировалась, повышала научно-технический уровень, а также кадровый потенциал. Интерес широких слоев общества к ожидаемым переменам повысил престиж экономической науки и социологии. ЦК КПСС даже принял постановление "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в развитии советского общества" (1988). В нем отмечалась необходимость расширения сети социологических институтов, отделов и секторов, организации в университетах социологических факультетов, отделений и кафедр, формирования сети изучения общественного мнения. Постановление впервые предоставляло научным сотрудникам возможность защищать диссертации на соискание ученых степеней по социологическим наукам (прежде можно было только по экономическим и философским). Подготовка социологических кадров включалась в систему государственного планирования и распределения. Особый раздел постановления был посвящен развитию заводской социологии как важного элемента управления предприятиями.

Можно сказать, что двери перед социологией не просто раскрылись, а распахнулись настежь. Теперь дело было за инициативой снизу, т.е. за усилиями самих социологов, и они постарались реализовать открывшиеся возможности. Действительно, в 1988-1991 гг. в стране открылся ряд новых социологических центров, возникли социологические общества и журналы, сформировалась сеть социологических факультетов и отделений, развернулось изучение общественного мнения. А главное, появилась возможность открыто обсуждать актуальные социально-политические проблемы и устно – на конференциях, и в печати.

Однако освобожденная общественная наука напоминала человека, долгое время пролежавшего с туго связанными руками и ногами. Она не могла сразу "встряхнуться и побежать". Требовалось определенное время, чтобы ученые почувствовали реальное изменение общественного климата и правил игры, поверили, что это надолго. К тому же наука обладает инерцией: начатые исследования держат ученых в плену, требуя своего завершения. Кроме того, происходившие перемены поддерживались далеко не всеми обществоведами. Многие преподаватели истмата и научного коммунизма не принимали перестройки, считали ее идеи ревизионистскими и, подобно Нине Андреевой, отказывались "поступаться принципами". Поэтому результаты исследований действительной истории общества, его реальной социальной структуры, внутренних механизмов функционирования, табуированных ранее сторон его жизни стали по-настоящему давать знать о себе лишь в конце 1980-х годов.

Наиболее очевидным последствием начавшейся перестройки общества для нашего коллектива стало изменение сравнительной ценности московской и провинциальной научной среды. В брежневское время символами Москвы для нас служили ЦК КПСС и КГБ, насквозь просматривавшие со Старой площади и Лубянки все, что делалось в

обществоведческих институтах. Кипучая, но мало эффективная научная жизнь столицы требовала затрат времени, не компенсируемых расширением знаний. Провинциальным ученым визиты в Москву позволяли быть в курсе научных событий, поддерживать личные контакты с коллегами, знакомиться с редкими или новыми книгами, но плодотворно работать там было трудно. Напротив, в Академгородке все благоприятствовало научным занятиям: вооруженные современной исследовательской техникой институты, благоустроенное жилье, развитая социальная инфраструктура, прекрасная экология, отсутствие транспортной усталости и, не в последнюю очередь, 30-километровая отдаленность от обкома КПСС. После московской суеты и шумихи хорошо было возвращаться домой к временно прерванной научной работе.

Однако с середины 1980-х годов отдаленность Академгородка от Центра стала оцениваться по-иному. В Москве происходили революционные события, формировалась богатейшая информационная среда, там можно было не только изучать общество, но и участвовать в его преобразовании, эффективно используя свои знания. К тому же Центр нуждался в ученых, готовых активно помогать перестройке. Ощущение того, что основные события происходили теперь в Москве, порождало у части сибирских ученых внутреннюю борьбу между стремлением продолжать находящиеся в разгаре исследования или лично содействовать демократическим переменам.

Ведущие ученые ИЭиОПП один за другим получали приглашения возглавить разные московские институты. Летом 1985 г вернулись в Москву А.Г. Аганбегян и З.В. Куприянова, за ними потянулись другие. В конце 1987 г. мне было предложено организовать и возглавить Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Как ни трудно было разрываться со своим коллективом, институтом и Академгородком, после некоторых колебаний я приняла предложение и в начале 1988 г вернулась в Москву, правда, заплатив за это инфарктом. Почти одновременно туда переехали Л.А. Хахулина, Е.А. Дюк, Э.Д. Азарх, а двумя годами позже – Р.В. Рывкина и Л.Я.Косалс. Все они, как и З.В. Куприянова, пришли работать во ВЦИОМ, где образовалась небольшая новосибирская колония. Руководителем отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР был избран доктор экономических наук Ф.М. Бородкин. Но вернемся к началу рассматриваемого периода.

5.2. Исследование социальных механизмов развития конкретных сторон и подсистем аграрного сектора

Когда общая концепция проекта была вчерне разработана, встал вопрос о принципах выделения направлений исследования. Первоначально была сделана попытка выделить целостные механизмы развития тех или иных сторон или подсистем АПК, причем каждый из таких механизмов изучался во всей полноте своих элементов и связей. По этому принципу были выделены разделы проекта, посвященные изучению социально-управленческих отношений (Р.В. Рывкина), личного сектора АПК (З.И. Калугина), миграционных процессов (М.А. Шабанова). Однако такой подход к расчленению общего предмета исследования был не единственным. Некоторые научные группы предпочли углубленное изучение отдельных элементов общего социального механизма развития АПК. В этом случае объектами анализа становились явления, соответствующие тем или иным блокам схемы, изображенной на рис.1, например, хозяйственный механизм АПК (В.Д. Смирнов), экономическая деятельность и поведение населения (Л.В. Корель и друг.), социально-структурные характеристики аграрного сектора (Е.Е. Горяченко, А.Н. Шапошников). Вписанность этого типа исследований в общую структуру проекта

проявлялась в том, что блоки социального механизма изучались не сами по себе, а в контексте связей с другими блоками: социально-экономическая структура – с деятельностью и поведением, поведение – с хозяйственным механизмом и т.д.

Социально-управленческий механизм развития АПК (Р.В. Рывкина). Во второй половине 80-х годов ранее начатое исследование этого механизма получило существенное развитие. Перестройка и гласность сделали очевидным, что сложившееся к середине 80-х годов разделение экономических прав и ответственности между звеньями управления АПК перестало соответствовать требованиям времени. Особенно острые противоречия возникли между министерствами и предприятиями (хозяйствами). В то же время начавшийся полустихийный процесс ломки старых и формирования новых управленческих отношений часто не опирался на ясное представление об их достоинствах и недостатках, осуществлялся методом проб и ошибок.

Объектом этого направления исследования служила производственная подсистема агропромышленного комплекса, причем в центре его внимания находилась не столько *система управления* как таковая, сколько *взаимодействие ее субъектов* – групп, функционировавших на разных уровнях управления. Их активность рассматривалась в тесной связи с действовавшим хозяйственным механизмом : труд руководителей описывался через характеристики их поведения в сферах планирования, организации производства, материально-технического снабжения; труд специалистов - в связи с использованием ими тех или иных технологий; труд бригадиров - с учетом способов стимулирования труда коллективов и т.п. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в восьми экспедиционных обследованиях в 1982-1986 гг. Ученые опросили все должностные группы работников АПК: рабочих и колхозников, руководителей среднего звена, главных специалистов и руководителей хозяйств, руководителей индустриальных предприятий и служб, а также РАПО.

В фундаментальной монографии, которая подвела итоги исследования, социально-управленческий механизм, действовавший в аграрной экономике СССР с середины 30-х годов, был охарактеризован следующим образом : "По своему генезису он – инструмент в руках высших эшалонов политической власти; по духу – бюрократически-аппаратный и замкнутый на "верхние" уровни управления; по структуре – громоздкий, многозвенный, включает много параллельно действующих и дублирующих каналов управления; по своей ценностной основе он базируется на административной культуре, порожденной политическим аппаратом власти; суть этой культуры составляют ценности и нормы, поддерживающие монополизм высших слоев политического аппарата в управлении производством." [1]

На большом эмпирическом материале авторы показали, что названный механизм "полностью противоречит целям экономической реформы. Во-первых, он противостоит экономическим методам хозяйствования, при которых руководитель должен зависеть не от "верхов", а от "низов". Во-вторых, он облегчает возникновение протекционизма и субъективизма в аппарате управления. В-третьих, ориентирует хозяйственных руководителей не на критерии эффективности, а на показатели, облегчающие работу вышестоящих органов. В-четвертых характеризуется запутанной структурой должностей, размытостью должностных обязанностей. В-пятых, у большинства управленческих групп при огромном объеме ответственности наблюдался дефицит распорядительских прав" [2]. Главными результатами исследования явились : обоснование методологии и методики изучения социально-управленческого механизма развития производства, конкретное описание действовавшей системы управления АПК, а также разработка нормативной модели социального механизма управления производством.

Своеобразным ответвлением и дальнейшим развитием этой работы стало исследование Л.Я. Косалса, направленное на выяснение того, почему советская экономика остается невосприимчивой к новым технологиям, прогрессивным формам и методам управления производством. Анализ опыта распространения и внедрения новых технологий в 47 сельскохозяйственных предприятиях Новосибирской области привел автора к двум главным выводам : 1) причины застоя в обновлении производства надо искать не только на уровне предприятий, но и во всей системе общественных отношений; 2) эти причины носят как экономический, так и социальный характер, они связаны с дефектами социального механизма инновационных процессов, отражающего те стороны технического прогресса, которые опосредуются активностью и взаимодействием людей в сфере обновления производства [3].

Социальный механизм развития личного сектора АПК (З.И. Калугина). Выделение социального механизма развития личного сектора АПК в отдельное направление исследования было связано, во-первых, с огромной ролью личных подсобных хозяйств населения в обеспечении продовольствием как самих сельских жителей, так и остальной части общества; во вторых, с принципиальным различием механизмов развития крупного и мелкого производства; в третьих, с неоднозначным отношением идеологии, а вслед за нею и науки, к самому факту существования ЛПХ, не говоря уж об их расширении и развитии.

В начале 1980-х гг. в личном секторе создавалась четверть валовой и десятая часть товарной продукции сельского хозяйства СССР. Здесь расходовалась примерно половина совокупных затрат труда в этой отрасли. За счет ЛПХ формировалось 25-30% доходов селян, а для отдельных типов семей (многодетных, состоящих из пенсионеров, имевших только одного работника и др.) оно было основным источником существования. Ведение личных подсобных хозяйств, являющееся неотъемлемым элементом сельского уклада жизни, существенно влияло на жизнедеятельность, социальные качества, ценностные ориентации и миграционные установки владельцев. Понимая это, руководители хозяйств использовали разные формы помощи ЛПХ для регулирования поведения работников в сфере общественного производства. Характер, масштабы, периодичность и степень платности предоставляемых работникам услуг и ресурсов ставились в зависимость от их участия в производственных делах колхозов и совхозов.

Конкретизировав теоретико-методологическую концепцию социального механизма развития экономики применительно к личному сектору АПК, З.И. Калугина определила набор социальных регуляторов его функционирования и развития - общественно-политических институтов, условий жизнедеятельности населения, а также тех его социальных характеристик, которые наиболее существенно влияют на соответствующий вид поведения. В качестве субъектов этого поведения рассматривались группы семей, различающиеся, с одной стороны, своими размерами и структурой, а с другой, уровнем товарности и доходности личных хозяйств.

Работа опиралась на материалы лонгитюдного социолого-статистического исследования западно-сибирского села, проводившегося в 1967-1987 гг. Наряду с описанием современного состояния, актуальных проблем, тенденций и перспектив развития ЛПХ, величины и структуры затрат труда на его ведение, автор изучила особенности экономического поведения сельских жителей в личном хозяйстве и определяющие его механизмы. Сравнение данных за 1977 и 1982 гг. обнаружило тенденцию к росту числа ЛПХ, расширению их средних размеров, повышению доходности, но вместе с тем к росту трудо- и времязатратности. Значительно (с 14 до 23%) возросла доля семей, ориентирующихся на расширение своих хозяйств. Однако производственные ресурсы

ЛПХ использовались не в полной мере. Характеризуя социальный механизм их развития, З.И. Калугина показала, что его важными элементами служат не только государственная политика в данной области, но и то, как эта политика воспринимается и реализуется местными руководителями, стремящимися к сбалансированному, по их представлениям, развитию обоих секторов сельского хозяйства. Мощными факторами, регулирующими развитие ЛПХ, оказались, с одной стороны, социально-экономические особенности колхозов, совхозов и поселений (например, наличие и качество свободных земельных участков, пасбищ, сенокосов, рынков сбыта продукции и др.), а с другой, трудовой и финансовый потенциал конкретных семей.

Результаты развития этого направления нашли отражение в двух авторских монографиях [4], одна из которых была защищена в качестве докторской диссертации З.И. Калугиной. Полагая, что обеспечить стабильное развитие аграрного сектора, разбудить инициативу и обеспечить достаточную мотивированность работников к труду можно лишь на основе разумного сочетания крупного и мелкого производства, т.е. с одной стороны, государственных и кооперативных предприятий, а с другой, крестьянских и личных подсобных хозяйств, автор разработала и обосновала программу совершенствования социального механизма управления развитием личного сектора АПК. Что касается фермерства, на которое в эти годы возлагались большие надежды, то оно, по мнению З.И. Калугиной, не может в обозримой перспективе стать господствующей формой организации сельского хозяйства в России. Главным камнем преткновения здесь являются сложности, связанные с переделом земли и передачей ее в частную собственность.

Социальный механизм миграции сельского населения. В 1990 г. М.А. Шабановой было проведено комплексное социолого-статистическое исследование сезонной и постоянной миграции населения в сельском районе, в основу которого легла тщательно проработанная теоретико-методологическая концепция. Исследователю удалось:

- а) выявить природу, социально-экономические функции и факторы двух составляющих постоянной миграции в сельском районе – возвратных и первичных перемещений и таким образом раскрыть механизм миграционных взаимоотношений среднеразвитого сельского района с более и менее развитыми территориями, обосновать возможности его улучшения в современных условиях;
- б) выяснить природу, факторы, социально-экономические функции и проблемы неорганизованной сезонной трудовой миграции ("шабашничества"), разработать предложения по улучшению методов регулирования этого феномена;
- в) выяснить связи между постоянной и сезонной миграцией населения в сельском районе, использующем труд приезжих работников, определить направления взаимосвязанного развития этих двух видов миграции в перспективе.

При этом повторном исследовании феномена "шабашничества" (отходничества) особое внимание автора привлекли стихийно пробивавшиеся через препоны административно-командной системы проявления рыночных отношений между участниками процесса. Анализ накопленного сезонными строителями опыта функционирования в теневых рыночных условиях был использован автором для прогнозирования вероятных закономерностей развития рынков рабочей силы в условиях начинавшихся экономических реформ [5].

5.3. Изучение социально-экономического положения и интересов общественных групп

Социально-территориальная структура аграрного сектора. Во второй половине 1980-х годов анализ социально-территориальной структуры аграрного сектора, как и другие исследования отдела, стал значительно больше ориентироваться на управленческие проблемы. Если прежде ученых интересовало в первую очередь территориальное устройство аграрного сектора – место, занимаемое им в структуре региона, состав и взаимодействие его типологических элементов [6], то теперь к этим вопросам добавились цели и механизмы *управления* процессами формирования территориальной структуры. Эта установка особенно ярко проявилась в работах А.Я. Троцкого, В.И. Федосеева, С.Г. Крапчан, Е.Е. Горяченко.

Исходя из недостаточной изученности связей сельского сектора с городской частью общества. Чтобы решить эту задачу, А.Я. Троцкий осуществил детальное исследование структуры и интенсивности социальных, экономических и демографических связей *всех городов региона* с населением и организациями села. Обработка собранного им уникального статистического материала методами многомерного факторного анализа позволила выделить два основания дифференциации городов по характеру связей с селом: а) *абсолютный объем* услуг, предоставляемых каждым из них селу и б) *степень относительной ориентированности* городов на обслуживание сельской местности, оцениваемая по доле их продукции (товаров, услуг), направляемой в сельский сектор.

Города Западной Сибири разделились по этим критериям на три качественно разных типа: а) крупные *многофункциональные города* (как правило, областные центры), играющие ведущую роль в обслуживании сельского сектора, несмотря на то, что связи с селом играют в их жизнедеятельности второстепенную роль, б) *средние и малые индустриальные города*, слабо связанные с селом и оказывающие ограниченное влияние на его развитие, и в) "*аграрные города*" (как правило - небольшие районные центры), где концентрируются предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, обслуживающие сельское хозяйство и сельское население. Исследование показало, что города последнего типа играют огромную роль в производственной и социальной жизни села, выступая в качестве опорных точек его среднесрочного и долгосрочного развития. Однако им уделяется гораздо меньшее внимание, чем многофункциональным и индустриальным городам. Большинство их стагнирует или же деградирует, что самым пагубным образом сказывается на социальном развитии обслуживаемой ими сельской местности [7].

Задача исследования В.И. Федосеева заключалась в создании своеобразного социально-экономического атласа сельских районов западно-сибирского региона. Чтобы решить эту задачу, автор сформировал обширную и многостороннюю базу данных о демографических, экономических и социальных особенностях каждой из этих территориальных общностей. Для анализа данных были использованы методы факторного анализа и таксономии, что позволило выделить небольшое число высоко информативных характеристик, каждая из которых несла информацию о группе взаимосвязанных признаков. На базе этих характеристик были построены многомерные типологии сельских районов [8]. Результаты исследования Федосеева в сочетании с типологией городов Троцкого позволили достаточно ясно обрисовать контуры социально-территориальной структуры Западной Сибири.

Несколько позже С.Г. Крапчан проделала сходную работу применительно к областям, краям и автономиям Российской Федерации, существенно продвинув теоретическую концепцию социально-территориальной структуры села и перенесла основной акцент на цели и методы управления ее развитием [9].

В результате проведенных исследований выяснилось, что различия между разными элементами сельского сектора в уровне развития и содержании актуальных проблем являются более резкими и глубокими, чем между селом и городом. Стало ясным и то, что происходящие на селе социально-экономические сдвиги не являются результатом прогрессивного развития всех типов сельских территориальных общностей. В действительности они представляют итог разнонаправленных и противоречивых тенденций, частично усиливающих и поддерживающих, частично же уравнивающих и ослабляющих друг друга. Причем динамические тенденции дифференцируются применительно как к разным зонам страны, типам районов и поселений, так и к различным сторонам жизнедеятельности сельского населения. Отсюда авторы делали вывод, что если управление социально-экономическим развитием территориальных элементов села не будет подчинено некоторой общей стратегии, то наиболее вероятной тенденцией станет дальнейшее нарастание диспропорций и усугубление социальных различий в положении территориальных групп.

Вместе с тем совокупность выполненных исследований убедительно показала, что социально-территориальная структура сельской части страны представляет невероятно пеструю картину. Мало того, что наблюдаются громадные различия между республиками и крупными регионами – сельская местность каждого из этих крупных образований также чрезвычайно неоднородна. Причем чрезмерное, с точки зрения создания благоприятных условий жизни населения, многообразие местных социально-экономических сред еще усиливается и обостряется бездорожьем, препятствующим налаживанию социальных связей между урбанизированными (центральными), периферийными и глубинными сельскими территориями. Отсюда делался вывод, что единство стратегических целей управления территориальным развитием мозаично устроенного сельского сектора обязательно должно сочетаться с дифференцированным подходом к разнотипным территориальным общностям каждого уровня, учетом их социально-экономической специфики [10]. Другим выводом было, целенаправленное регулирование социально-территориального развития села должно возможно сильнее и надежнее опираться на самоуправление граждан. В сельских условиях права и свободы, связанные с организацией социально-экономической деятельности и созданием структур гражданского общества, являются особенно важными.

В общем проекте анализ социально-территориальной структуры села выполнял две функции Во-первых, он раскрывал устройство особого социального механизма развития территориального строения аграрного сектора экономики, а во-вторых, вносил вклад в изучение структуры основного субъекта развития этого сектора – сельского населения, создавая необходимые предпосылки для дифференцированного изучения его социально-экономической активности. Развитые в рамках этого направления концепции *сельского поселения* как специфической территориальной общности, *сельского (аграрного) сектора* как особой социально-экономической подсистемы общества, и *социально-территориальной структуры села* стали методологической основой для дифференцированного исследования социальных процессов, протекающих в сельской местности, начиная с движения населения и экономического развития АПК, кончая изменением уровня и образа жизни населения.

Социально-экономическая структура населения. В 1982 г. было проведено четвертое и последнее в лонгитуде социолого-статистическое исследование сибирского села [11]. На этот раз основное внимание ученых акцентировалось на проблемах благосостояния населения, охватывающих широкий спектр условий его жизнедеятельности: занятость, условия труда, уровень и структуру доходов, характер и качество жилья, обеспеченность предметами длительного пользования, соотношение профессионального труда, домашнего труда и свободного времени и др. Разработка и анализ соответствующих данных на четыре момента времени (1967, 1972, 1977, 1982 гг.) позволила достаточно полно охарактеризовать пятнадцатилетнюю динамику уровня и дифференциации благосостояния сельских жителей [12].

Дальнейшее развитие эта тематика получила в программе социологического исследования благосостояния населения Сибири, разработанной и реализованной коллективом сектора трудовых ресурсов и уровня жизни (руководитель – В.А. Калмык). Методологической основой этой программы стало представление о благосостоянии как категории, включающей уровень жизни семей, степень удовлетворения их материальных потребностей, а также наиболее распространенные и характерные для соответствующих общественных групп способы удовлетворения потребностей, связанные с особенностями трудового, бытового и досугового поведения. Такой подход позволял наметить точки взаимосвязанного изучения уровня и образа жизни общественных групп, что стало особенно актуальным, когда в 1985 г. сектор разделился на две самостоятельные группы: изучения *уровня* жизни (Л.А. Хахулина) и изучения *образа* жизни населения (В.А. Артемов). Институтские шутники тогда говорили, что в отделе социологии не хватает только группы изучения *смысла* жизни.

Когда проблемы благосостояния сельского населения в основном были изучены, у коллектива появилось стремление исследовать благосостояние горожан. В этой связи надо заметить, что достаточно четкая структуризация основных исследований отдела сочеталась со значительной свободой исследователей и первичных научных групп в выборе конкретной тематики. Ученым предоставлялась возможность, исходя из собственных интересов, как переходить из одного крупного проекта в другой, так и (при наличии желания и сил) участвовать в двух или больше проектах. При таком подходе творческие находки быстро транслировались из одних проектов и подразделений в другие. В данном случае, коллектив, изучавший благосостояние сельского населения в рамках проекта по АПК, счел целесообразным исследовать благосостояние горожан, что в дальнейшем, в свою очередь, обогатило методологию анализа этой проблемы в селе [13].

В 1984 г. было проведено выборочное социологическое обследование городского населения Западной Сибири с целью получения информации об условиях жизни различных групп, а также об оценках ими основных сторон своей жизнедеятельности (руководители Л.А. Хахулина, В.А. Артемов и В.А. Калмык). Выборочная совокупность была представлена жителями пяти городов: многофункциональных Омска и Кемерово, индустриальных Междуреченска и Нижневартовска, аграрного Алейска. Социологи опросили 1720 семей (домохозяйств) и столько же работающих членов семей. На первом этапе были проанализированы результаты обследования населения каждого отдельного города. Это позволило представить подробные аналитические записки местному руководству с анализом тех сторон жизни населения, которые либо не учитывались статистикой, либо учитывались только частично (например, жилищные условия разных социальных групп). Кроме того, давалась информация об оценках, потребностях, мнениях горожан о разных сторонах своего благосостояния.

На втором этапе авторы апробировали оригинальные методики построения многомерных типологий для анализа дифференциации населения как по отдельным составляющим (жилье, имущество), так и по материальному благосостоянию в целом, описали ряд элементов образа жизни (пользование сферой бытового обслуживания и дошкольными учреждениями, поддержание здоровья, повышение уровня образования, проведение досуга). Были получены обобщающие "портреты", отражающие благосостояние различных социально-должностных, социально-отраслевых, демографических и территориально-поселенческих групп. Это позволило выявить зависимость благосостояния от социально-экономического положения групп в сферах производства и распределения [14].

В 1989 г., после отъезда Л.А. Хахулиной в Москву, группу изучения уровня жизни возглавила В.С. Тапилина. В 1990-91 гг. на базе разработанной группой программы исследования стратификации населения крупного города по материальному благосостоянию было проведено обследование в Новосибирске. Любопытно, что последние анкеты были заполнены в день объявления об обмене 25-ти и 50-ти рублевых купюр - первой акции в ряду предстоявших потрясений и преобразований. Таким образом, учеными было зафиксировано состояние стратификации городского населения по материальному благосостоянию накануне экономических реформ, которое стало точкой отсчета для оценки дальнейших изменений в этой области.

Исследование показало, что хотя население крупного сибирского города *резко различалось* уровнем материального благосостояния, это была дифференциация *не собственников, а пользователей* материальных условий жизни. Выяснилось, что семьи, относящиеся к определенным стратам благосостояния, характеризовались общностью и других жизненных обстоятельств, социальных и демографических параметров. Таким образом, разработанная методика изучения стратификации позволила выделить достаточно однородные социальные слои. Фактором, в наибольшей степени дифференцирующим семьи по материальному благосостоянию, оказался квалификационно-должностной статус их работающих членов, роль же социально-отраслевого и демографического статусов оказалась менее значительной [15].

Две линии традиционных для отдела исследований – благосостояния населения и социально-территориальной структуры региона – соединились и нашли дальнейшее развитие в работе, посвященной роли жилья как фактора территориального перераспределения населения России. В ходе этой работы были построены типологии областей, краев и автономных республик РСФСР по характеру миграционных процессов и по социально-экономическим особенностям развития. Это позволило выяснить степень согласованности и взаимообусловленности миграционной ситуации и уровня развития территорий. Для каждого миграционного типа регионов и для РСФСР в целом методом регрессионного анализа была оценена роль жилищной детерминанты в системе социально-экономических факторов миграции. Изучение жилищных условий мигрантов, находящихся на разных стадиях адаптации к новым местам проживания, позволило определить роль жилищного фактора на заключительной стадии миграционного поведения. Монография Л.В. Корель, В.С. Тапилиной и В.А. Трофимова, в которой представлены результаты этой работы [16], была удостоена 2-го места на конкурсе фундаментальных работ СО АН СССР в 1991 г.

Критически оценив особенности советской жилищной политики, новосибирские социологи пришли к выводу о необходимости принципиального изменения ее направленности. На их взгляд, целью такой политики должно было стать формирование демократического механизма решения жилищных проблем. Социальный механизм

функционирования жилищной сферы общества, охватывающей производство, распределение и пользование жильем, следовало переориентировать таким образом, чтобы обеспечить свободный выбор способов удовлетворения потребностей в жилье. По мысли авторов, жилищная сфера должна ориентироваться на человека, подстраиваться под его интересы и потребности, а не быть инструментом, с помощью которого государство пытается регулировать перемещения трудовых ресурсов или активизирует человеческий фактор производства. Они отстаивали необходимость пересмотреть жилищную политику власти, перейти к экономическим методам регулирования обеспечения жильем. В дальнейшем О.Э. Бессоновой было выполнено фундаментальное исследование социального механизма функционирования и развития жилищной сферы [17].

Разумеется, сказанное далеко не исчерпывает всего спектра исследований новосибирских социологов в 1980-х гг. В этот период успешно и творчески развивались исследования различных аспектов движения рабочей силы промышленности, использования рабочего и свободного времени населения [18], изучались и моделировались демографические процессы [19], проводилась большая работа по совершенствованию методов обработки и анализа социологической информации. Однако характеристика роли этих исследований в развитии советской социологии составляет специальную научную задачу. Здесь же речь идет о тех направлениях исследований, развитие которых придало новосибирской социологии то *"необщее выражение лица"*, которое заметно отличало и отличает ее от других социологических школ.

5.4. Интеграция результатов исследования.

Когда осуществляемые разными группами исследования разных сторон и элементов социального механизма развития аграрного сектора были достаточно продвинуты, возникла необходимость решения главной и наиболее сложной задачи - интеграции полученных результатов. Для этого следовало проверить возможность использования частных методологий для комплексного изучения проблемы методом кейс-стади, т.е. на примере целостного эмпирического объекта. В качестве такового был выбран средний по уровню развития Топчихинский район Алтайского края. Летом 1985 г. туда выехала экономико-социологическая экспедиция, в работе которой участвовали около 20 социологов, представлявших все направления проекта. К сибирякам присоединились два москвича – П.О. Авен и В.М. Широкин – сотрудники возглавлявшейся Е.Т. Гайдаром лаборатории системного изучения хозяйственных механизмов ВНИИСИ АН СССР. Любознательных молодых экономистов интересовало конкретное устройство хозяйственного механизма АПК - не те правила игры, которые значились в законах, инструкциях и учебниках, а те, которые фактически реализовались в экономике, включая и теневую часть отношений. Сибиряки опрашивали население района, местных руководителей, работников колхозов и совхозов, москвичи же проводили углубленные интервью с руководителями районного агропромышленного объединения (РАПО), директорами промышленных предприятий и служб: Сельхозтехники, Сельхозхимии, заготовительных и перерабатывающих предприятий. Они дотошно выпытывали у собеседников, как строятся отношения соответствующих организаций с плановыми органами, поставщиками, клиентами, покупателями, что на что меняется в порядке бартера, по чьей инициативе это делается, в каких пропорциях и т.д. Получаемая информация, предварительные выводы и гипотезы обсуждались на экспедиционном семинаре. Совместная работа социологов с этими эрудированными и творческими экономистами была полезной для обеих сторон.

По итогам экспедиции был подготовлен отчет "Методология, методика и материалы социологического исследования социального механизма развития сельского района", на базе которого предстояло создать более фундаментальную работу, обобщающую результаты теоретического и эмпирического исследования социального механизма развития аграрной экономики. Весной 1987 г. обширный научный доклад "К концепции перестройки управления аграрным сектором СССР" был представлен в дирекцию ИЭиОПП и руководству Алтайского крайкома КПСС. На базе этого доклада в Барнауле осенью того же года была организована Всесоюзная научно-практическая конференция "Пути совершенствования управления социальным развитием аграрного сектора региона". Ее целью было всестороннее обсуждение выдвинутых новосибирскими учеными идей с представителями прикладной аграрной науки и практиками сельского хозяйства. По каждому крупному направлению проекта была организована секция конференции, что обеспечило серьезное и многостороннее обсуждение как концепции, так и эмпирических результатов исследования, создало основу для дальнейшего развития последнего. Труды конференции были опубликованы Барнаульским издательством в форме пяти брошюр, большая часть тиража которых легла на столы руководителей регионального АПК [20]. Что же касается теоретико-методологических результатов коллективного изучения аграрного сектора, то наиболее полное отражение они нашли в фундаментальной монографии "Социально-экономическое развитие сибирской деревни [21].

5.5. Формирование новой парадигмы исследования

Возможно, что если бы отдел социальных проблем ИЭиОПП занимался только наукой и не был организатором социологической специализации в НГУ, то его сотрудники так и не задумались бы о том, к какой области науки принадлежат их исследования. Однако в действительности им пришлось поставить перед собой этот вопрос. В 1982 г. академик А.Г. Аганбегян счел нужным включить "главную" дисциплину социологической специализации в общий учебный план экономического факультета НГУ, нам же поручили определить, какой из читаемых на специализации курсов лучше подойдет к этой цели. Между тем готового курса, пригодного для социологического просвещения студентов-экономистов в нашем распоряжении не было : основной специализирующей дисциплиной считалась методология и методика социологических исследований, вряд ли соответствовавшая этой цели. Надо было готовить новый курс, позволяющий концентрированно осветить главные направления исследований отдела. В связи с этим и встал вопрос, к какой социологической дисциплине принадлежали эти исследования.

Поскольку социология в СССР находилась на положении "теневого" науки, о ее структуре советские социологи судили, главным образом, по составу исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации (МСА). По этому критерию исследования отдела относились к нескольким направлениям : социологии времени, социологии труда, социологии промышленности, социологии села, изучению социальной структуры и социальной мобильности, социологии благосостояния, социологии миграции, математической социологии и друг. Причем ни одно из названных направлений не претендовало на центральную роль. Вместе с тем эти исследования, по общему ощущению, обретали все более определенный центр, обеспечивавший их целостность и единство. Им являлась область пересечения и стыковки социологии с экономической наукой. В структуре МСА соответствующее место принадлежало комитету "Экономика и общество", но как для отражения сути наших исследований, так и для наименования академической дисциплины это название казалось неподходящим. Поэтому решено было "на свой страх и риск" заявить новую научную дисциплину, присвоив ей имя *экономической социологии*.

Естественно поставить вопрос, почему экономическая социология не возникла в СССР еще в начале 60-х, одновременно с социологией труда, социологией промышленности и другими смежными дисциплинами? Думается, что тут действовали два фактора. Во-первых, на Западе первые книги и учебники по экономической социологии вышли лишь в середине 60-х гг. [22], так что и там это направление было относительно молодым. Это объяснялось сложившейся там логикой развития экономической науки, лишь постепенно и неохотно соглашавшейся усложнять свое исходное представление о рациональном человеке, стремящемся лишь к экономической выгоде. По мнению В.В. Радаева, развитие западной экономической социологии было органически связано с расширением и обогащением этого представления [23]. Как бы то ни было, внешних импульсов к разработке данного направления советские социологи не получали.

Что касается личной инициативы ученых по его развитию, то ее проявлению препятствовал другой, уже чисто советский фактор - идеологическое противодействие правящих структур изучению и обсуждению наиболее "горячих" и болевых проблем социалистических обществ. Достаточно сказать, что по выходе первых же статей новосибирских социологов, обосновывавших новое направление исследования, на них обрушились резкие обвинения, во-первых, в том, что сама идея экономической социологии является "плагиатом у Смелсера" (как будто область науки можно украсть), во-вторых, в попытках "протаскивания" в социологию СССР "буржуазного" научного направления [24].

Разработка нового курса потребовала ответа на вопросы, о которых раньше не думалось, и прежде всего - определения *предмета и метода* данной науки. Наиболее общий ответ гласил, что экономическая социология - это наука, изучающая экономическую жизнь общества социологическими методами. В процессе дальнейшей работы выяснилось, что метод науки оказывает обратное влияние на характер изучаемого предмета. В связи с этим к предмету экономической социологии были отнесены *закономерности взаимодействия* экономической и социальной сфер общества, а также экономических и социальных процессов (а не просто как экономическая жизнь общества).

Первые "заявочные" статьи новосибирцев, посвященные этому направлению исследований, появились в 1983-1984 годах [25]. В них доказывалась научная и практическая актуальность исследования закономерностей экономической жизни общества с помощью методов и категорий социологии, обращалось внимание на возрастающий интерес экономистов к социальным факторам и процессам, а социологов - к сфере экономической жизни, давалось исходное описание предмета и метода данной науки. Дальнейшее развитие эти вопросы получили в опубликованной журналом "ЭКО" статье, направленной на "социологизацию" мышления экономистов [26]. Позиция автора противостояла доминировавшей тогда (и до сих пор не изжитой) тенденции анализировать экономические явления и процессы, не выходя за рамки собственно экономической парадигмы. Советская экономическая наука, обобщавшая практику централизованного планирования производства, в основном рассматривала человека в двух качествах : как носителя рабочей силы, не обладающего свободой воли и выбора, и как потребителя (покупателя) соответствующей части товаров и услуг. Новосибирские экономсоциологи противопоставляли этому упрощенному подходу взгляд на развитие экономики как *социальный процесс*, субъектами которого являются группы, занимающие разное положение в отраслевой, профессиональной, должностной, территориальной и социальной структурах национального хозяйства. При этом основное внимание уделялось дифференциации их интересов и экономического поведения, типам и формам последнего, механизмам влияния поведения работников на эффективность производства и экономическую динамику. Анализировались факторы, регулирующие экономическое

поведение, прежде всего хозяйственный механизм управления экономикой. Статья вызвала активный отклик читателей, отмечавших актуальность поднятых вопросов, высказывавших интересные житейские и научные соображения.

В 1986 г. были опубликованы две принципиальные статьи : "О предмете экономической социологии" [27] и "Экономическая социология: новое научное направление" [28], в которых рассматривались социальные предпосылки возникновения экономической социологии в СССР, ее первые шаги на советской земле, связанные с "социологизацией" политической экономии и со встречной "экономизацией" социологии. Анализировалась центральная, на наш взгляд, категория экономической социологии - социальный механизм функционирования и развития экономики, характеризовался специфический метод этой науки, направления и перспективы ее дальнейшего развития.

По мнению авторов, экономическая социология исследует, с одной стороны, экономические предпосылки, возможности и ограничения реализации интересов общественных групп, а с другой - социальные факторы и условия функционирования экономики. Причем объектом ее исследований служат не только и *не столько ряды* взаимосвязанных экономических и социальных явлений, сколько конкретные *механизмы связи* экономического и социального развития. Задачей этого научного направления виделось выяснение конкретных путей и способов влияния социальных характеристик общества на развитие экономики, а уровня развития и состояния экономики - на социальные отношения.

Рассматривая метод экономической социологии, авторы стремились показать, какую систему понятий она применяет и как пользуется этими понятиями, чтобы получить требуемые знания о структуре и закономерностях развития изучаемого объекта. Основой языка данной науки они считали категории, выработанные в социологии и вооружающие исследователей той специфической "призмой", которая обеспечивает социальный подход к экономике. Подчеркивалось, что эффективность развития экономической социологии будет зависеть от полноты используемых ею социологических понятий и категорий, от точности вкладываемого в них содержания, от масштабов их практического использования, т.е. от того, какие именно стороны экономики будут подвергаться социологическому анализу и на какой глубине он будет вестись. Авторы выделили и описали четыре типа экономико-социологических понятий, которые : а) фиксируют типы общественно-экономических групп и признаки их положения в обществе, б) характеризуют содержание экономического и социального сознания этих групп, в) описывают виды и способы их социально-экономического поведения, г) отражают связь социальных и экономических процессов.

Что касается особенностей использования понятий экономической социологии для эмпирического исследования действительности, то к ним были отнесены, во-первых, целостный (комплексный) подход к изучению экономического и социального поведения людей, предполагающий использование широкого арсенала средств, начиная с социологических опросов и данных статистики и кончая анализом личных документов; во-вторых, исследование экономического поведения людей в широкой системе детерминирующих факторов; в третьих, необходимость изучения механизмов управления экономической деятельностью и поведением людей, предполагающего анализ нормативных документов и текущего документооборота организаций управления, предприятий и учреждений обслуживания.

Развитие экономической социологии в Новосибирске не ограничивалось теоретико-методологическими вопросами – напротив, главное внимание уделялось исследованиям,

ставящим и решающим актуальные экономико-социологические проблемы. В качестве одного из примеров можно привести статью "Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость", опубликованную в официальном органе ЦК КПСС - журнале "Коммунист" [29]. В статье обсуждались наиболее острые для того времени социально-экономические проблемы: социальные причины низкой эффективности экономики, соотношение реальных пропорций и механизмов распределения доходов с представлениями населения о социальной справедливости, функции и взаимодействие платного и бесплатного способов распределения социальных благ и услуг, принципы ценообразования на потребительские товары и проч. Статья вызвала широкую и острую дискуссию, получила большую известность, была переведена на несколько языков, перепечатывалась в российских публицистических сборниках и зарубежных изданиях [30]. Любопытно, что в 1992 г редакция журнала обратилась к автору с просьбой вернуться к этой статье и оценить, что в ней осталось правильным, а что стало выглядеть ошибочным. Так появилась статья "Социальная справедливость: шесть лет спустя" [31]. Широкий отклик имели и многие другие работы, посвященные актуальным теоретическим и предметным проблемам экономической социологии. Так, в 1989 г. сборник переводов наших статей был опубликован в США. Основному содержанию предшествовало обширное введение составителя Мюррея Яновича, где анализировался феномен новосибирской экономической социологии [32]. Наиболее же развернутое, хотя далеко не завершенное, отражение рассматриваемые проблемы получили в монографии "Социология экономической жизни" [33], вышедшей в 1991 г.

В заключение – несколько слов об особенностях новосибирского "варианта" экономической социологии. Вряд ли надо доказывать, что наши представления об ее задачах, предмете, методе и наиболее актуальных проблемах существенно отличались от взглядов Т.Парсонса, Н.Смелсера, Р.Сведберга, А.Стинчкомба и других западных классиков. Это было обусловлено в первую очередь различием факторов, стимулировавших возникновение и развитие экономической социологии в каждом из случаев. На Западе главной задачей данного направления было преодоление слабых мест экономической и социальной теории, развитие новых подходов к ее нерешенным вопросам. Отсюда преимущественно теоретический характер первых основополагающих трудов и более позднее появление попыток приложить новую теорию к практике путем исследования реальных объектов. В нашем случае дело обстояло наоборот: главным стимулом к развитию экономико-социологических исследований в СССР выступала социальная практика со всем множеством ее нерешенных проблем. Ни асоциальная экономическая наука, "освобожденная" от интересов и поведения людей, ни социология, занятая преимущественно изучением социокультурных явлений, не могли убедительно показать, что происходит с экономикой и обществом в целом. В этих условиях становление экономической социологии началось с конкретных исследований социальных проблем экономики. Разумеется, они проводились не только в Новосибирске, его особенность заключалась лишь в том, что здесь этими исследованиями занимался большой коллектив, что именно здесь был впервые осознан их экономико-социологический характер и произнесено имя новой науки. После же этого наступила пора теоретических поисков и обоснований, в основе которых лежало обобщение накопленных результатов исследования конкретных проблем. Поэтому новосибирская экономическая социология отличается от западной (и в какой-то мере московской) сильнейшей ориентацией на познание реальных закономерностей социальной практики (прежде всего, конечно, российской) В этом состоят ее сила и слабость. Сила связана с актуальностью исследуемых вопросов и органической включенностью в жизнь общества, а слабость – в известной ограниченности, связанной с "пропитанностью" проблемами России.

Главными достижениями новосибирского экономико-социологического коллектива в конце 80-х - начале 90-х гг. стали :

- закладка основ ранее отсутствовавшего в стране научного направления - экономической социологии; дальнейшая теоретико-методологическая интеграция исследований; формирование единой системы используемых понятий, общего научного языка; начало разработки целостной парадигмы междисциплинарного изучения хозяйственных, социальных и культурных механизмов экономических процессов;
- существенное продвижение теоретического и эмпирического изучения важнейших сторон и элементов механизма развития экономики;
- постепенное обретение коллективом качества самостоятельной научной школы, в том числе и за счет создания надежного механизма воспроизводства научных кадров; открытие на экономическом факультете НГУ социологического отделения, обеспечивающего высокий уровень подготовки выпускников; успешное прохождение пятью выпускниками (О.Э. Бессоновой, Н.М. Бархатовой, В.А. Лисовым, О.П. Фадеевой, М.А. Шабановой) Всесоюзного конкурса молодых социологов на прохождение стажировки в летней школе Манчестерского университета (1989-1990) г;
- дальнейшее расширение известности и престижа новосибирской экономико-социологической школы, одним из проявлений которого стало избрание ее лидера президентом Советской социологической ассоциации (1986-1991).

Вместе с тем на переломе 80-90-х годов возникли некоторые тревожные тенденции, создававшие угрозу будущему отдела. Ряд научных сотрудников переехали в Москву, а часть наиболее энергичных и относительно молодых ученых ушли в бизнес, заняв престижные посты в банках, страховых компаниях или организовав собственные фирмы. Произошла вынужденная смена научного руководства, численность ученых уменьшилась, коллектив на какое-то время ослабел. Тем не менее он выстоял, а в дальнейшем смог подняться на новый качественный уровень. Об этом расскажут новые лидеры новосибирской экономико-социологической школы, принявшие эстафету от ее основателей.

Примечания

1. Социально-управленческий механизм развития производства. Методология, методика и результаты исследований. Под ред. Р.В. Рывкиной, В.А. Ядова. Новосибирск: Наука, 1989. С. 11.
2. Там же, с. 14.
3. Социальный механизм инновационных процессов. Под ред. Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука, 1989.
4. *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство сельского населения : проблемы и перспективы. Новосибирск.: Наука, 1984; *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука, 1991.

5. *Шабанова М.А.* Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование. Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1991; *Шабанова М.А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. №4. С.55-63; *Шабанова М.А.* Отходничество и рынок рабочей силы // Регион: экономика и социология. 1992. №2. С.29-39.
6. Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа). Под ред. Т.И. Заславская и Е.Е. Горяченко. Новосибирск: ИЭиОПП СОАН СССР, 1982.
7. *Троцковский А.Я.* Социально-экономическое развитие села в условиях урбанизации. Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1985.
8. *Федосеев В.И.* Сельское население региона: Территориальные различия условий жизни. Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1986.
9. *Кранчан С.Г.* Село российской Федерации: Социально-региональная структура. Под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск: Наука, 1989.
10. *Заславская Т.И.* Проблемы зональной дифференциации целевых программ развития села // Советская социология. М.: Наука, 1982. Т.1. С.117-128; *Горяченко Е.Е.* Опыт разработки дифференцированных зональных программ территориального устройства сельской местности // Изв. СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1985. Вып. 1, №1. С. 45-53; Система сельского расселения в Сибири: Социальные проблемы и пути их решения. Рук. Т.И.Заславская, 1985 г.
11. В 1987 г. очередное социолого-статистическое исследование села проведено не было. Сказалась известная усталость преимущественно женского коллектива: ездить в долгие экспедиции стало труднее. Но главное, интересы ученых диверсифицировались и переместились в более сложные области, да и сравнительно поверхностная программа базового исследования 1967 г. казалась уже мало информативной.
12. См.: Современное развитие сибирского села. Опыт социологического изучения. Под ред. Л.А. Хахулиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1983.
13. *Лисов В.А.* Богатые и бедные в сибирской деревне. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992; *Михеева А.Р.* Сельская семья в Сибири: Жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, ИЭиОПП, 1993.
14. *Азарх Э.Д., Балькова Н.А., Хахулина Л.А. и др.* Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990.
15. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р.* Социальная структура: Неравенство в области материального благосостояния. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.
16. *Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А.* Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1988.
17. *Бессонова О.Э.* Жилье: рынок и раздача. Новосибирск.: Наука, 1993.
18. *Артемов В.А.* Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука, 1987; Применение показателей времени в социально-экономическом планировании города и села. Материалы V научной конференции. Под ред. В.А. Артемова. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987.
19. Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования). Под ред. С.В. Соболевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР,

- 1987; *Соболева С.В.* Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука, 1988; Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Под ред. С.В. Соболевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991.
20. Социально-экономические проблемы совершенствования управления производством в сфере АПК (Ред. Смирнов В.Д., Косалс Л.Я.); Кадры АПК в системе управленческих взаимодействий (Ред. Рывкина Р.В. и Суховский М.Л.); Проблемы управления социально-территориальным развитием аграрного сектора (Ред. Горяченко Е.Е., Шабанова М.А.); Управление социальными процессами в сфере труда и занятости сельского населения (Ред. Калмык В.А., Калугина З.И.); Управление сферой обслуживания сельского населения и решение жилищной проблемы на селе (Ред. Хахулина Л.А., Азарх Э.Д.). Барнул, 1987.
 21. Социально-экономическое развитие сибирского села. Под ред. Т.И. Заславской, З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука, 1987.
 22. Smelser, N. *The Sociology of Economic Life*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1963; Smelser, N. (ed.) *Readings on Economic Sociology*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1965; Parsons, T. and N. Smelser. *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966.
 23. См.: *Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997.
 24. Ельмеев. Вестник Ленинградского университета, сер. Социология. 1983-84 г. (ссылку следует уточнить у тех, кто сейчас читает экономическую социологию; если же не удастся, то опустить).
 25. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О формировании экономической социологии в Новосибирском научном центре // Новые научные направления и общество. Л.: Наука, 1983; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1984. Вып. 1, №1. С. 9-21.
 26. *Заславская Т.И.* Экономика сквозь призму социологии // ЭКО. 1985. №7.
 27. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* // Общественные науки и современность. 1986, № 9.
 28. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* // Будущее науки. Вып. 19. М.: Знание, 1986.
 29. *Заславская Т.И.* Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист, 1986, №13; Человеческий фактор развития экономики // Зависит от нас. Перестройка в зеркале прессы. М.: Книжная палата, 1988; *Social Justice and the Human Factor in Economic Development*, in: *A Voice of Reform. Essays by Tatiana Zaslavskaya*. Armonk, N.Y., L.: M.E. Sharp, 1989.
 30. Социальная справедливость: Шесть лет спустя // Свободная мысль (ранее - Коммунист), 1992, _1.
 31. См: *A Voice of Reform. Essays by Tatiana Zaslavskaya*. Armonk, N.Y., L.: M.E. Sharp, 1989.
 32. *Заславская Т.И.* Актуальные проблемы экономико-социологической теории // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1987. Вып. 3; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Экономическая социология: объект, основные категории и методологические принципы конкретных исследований // Методологические проблемы экономической науки. Новосибирск: Наука, 1988; Экономическая социология и перестройка. Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. М.: Прогресс, 1989.

33. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.
1. Поскольку структура этой книги нередко вызывает вопросы, хотелось бы пояснить историю ее подготовки и публикации. Идея написать книгу, а может быть и учебник, по экономической социологии возникла у авторов в середине 80-х годов. Законченный к концу 1985 г. черновой вариант книги был оформлен как научный отчет, содержащий разделы: 1) Предмет и метод экономической социологии; 2) Экономическая культура как регулятор функционирования и развития экономики; 3) Социальная структура советского общества – экономико-социологический аспект; 4) Экономическое поведение общественных групп; 5) Хозяйственный механизм как регулятор экономического поведения; 6) Социальный механизм развития экономики : сущность, особенности, недостатки. Структурно текст носил законченный характер, но редакционно был сыроват: не все главы "утрастились", недоставало ссылок на некоторые важные источники, имелись кое-какие содержательные недоработки и пр. Чтобы превратить отчет в добротную книгу, требовался еще год-полтора, и авторы рассчитывали завершить ее в 1987 г. Но аппетит и в науке "приходит во время еды", работа растянулась, а размер рукописи увеличился почти вдвое. Когда первые три раздела были закончены, выяснилось, что их объем больше всего запланированного на книгу. Тогда было решено разделить последнюю на два тома (по три раздела). Первый раздел, составлявший лишь половину того, что заслуживало бы названия книги, был опубликован под названием "Социология экономической жизни", а второй так и не был доведен до конца. Отсюда – и "странная" структура, свидетельствующая о явной незавершенности работы.
34. Zaslavskaya, T. *The Second Socialist Revolution: An Alternative Soviet Strategy*. Foreward by Teodor Shanin. L.: I.B. Tauris 7 Co Ltd. Publishers, 1990.